

Маша Ранопорт

Пирра.
Кто она?

Повесть-феерия «Пирра. Кто она?» - это увлекательная и полуфантастическая история о вечно молодой и неунывающей старушке, которая ведет себя как пятилетняя девчонка. Она вечно в движении, вечно что-то придумывает, чем полностью завоевывает сердца своих внучек: Маши, Сони и Лизы. Повесть написана старшей внучкой Пирры, Машей. Она увлекательна и захватывает читателя с первых строк. Кто она, эта Пирра? Волшебница, писательница или просто добрая бабушка, решать вам. Книга написана для детей младшего возраста, но и старшие дети найдут в ней заряд бодрости, чистая и светлая аура автора помогает расслабиться и снять стресс.

Маша Рапопорт Пирра. Кто она? (повесть-феерия)

Глава 1. Здравствуйте!

1. Всю неделю нам было очень грустно. Мы узнали, что скоро наша мама поедет в аспирантуру. Я грустила про себя, а Соня с Лизой плакали и не хотели маму отпускать. Лиза цеплялась за край её платья и хныкала:

— Не хочу апилантулу. Маму хочу. Маму-у-у-у.

Целую неделю мама пыталась оторвать её от своего платья, но Лиза была неумолима.

— Не плачь, Лизонька. Скоро приедет бабушка, и всё будет хорошо, — говорила мама и просила Лизу посморкаться в платочек. Лиза сморкалась, а мама утирала её слёзы, но Лиза опять начинала плакать.

— Какой-то сумасшедший дом, — говорил папа и, быстренько перекусив, смывался на работу. Он всегда смывался туда, когда кто-нибудь из нас плакал. Благодаря нашему плачу, он стал знаменитым скульптором и получил первую премию на конкурсе. Его показывали по телевизору и напечатали в газете. И мы очень гордились им и

радовались, что мы не зря плакали и что у нас такой известный папа. Но папа считал, что добился он всего этого упорным трудом, а вовсе не потому, что мы плакали. Но мне кажется, что если бы мы меньше плакали, то он бы меньше работал, а лежал бы на диване с газетой, как это делают все папы. Он всегда сожалел, что не может лежать на диване с газетой, и что дети его совсем заели и не дают ему творчески работать.

Он был очень не доволен, что мама едет в аспирантуру, и вместо того, чтобы вытирать пыль, будет ходить в Москве по выставкам и театрам.

— Ты ненормальная, — говорил он маме, — надо заниматься детьми и мужем. Хватит тебе учиться. Ненормальная. Ей богу ненормальная. И мать твоя такая же сумасшедшая, как и вся твоя родня.

— Зато ваша семейка сверхнормальная, — парировала мама, орудуя большим кухонным ножом, сделанным папой из пилы, — сверх всяких норм нормальная. С тоски можно сдохнуть. Только о деньгах и думает.

И тут, конечно, папа бы с мамой сцепились, но раздался звонок, и мама сказала папе:

— Иди, открой дверь!

— А почему я? — ответил папа.

2. — Твоя мать приехала, ты и открывай.

Мама опять хотела сцепиться с папой, но я

пошла и открыла дверь. На пороге стояла маленькая кругленькая бабушка, похожая на зелёную грушу, в платье защитного цвета, в какой-то несуразной шляпе и в полосатых гольфах. На шее у неё висели коробки, на спине огромный рюкзак, а по обоим бокам стояли два больших чемодана.

— Здравствуй, Марусечка, — радостно сказала она мне.

Я открыла рот от удивления и долго стояла так с открытым ртом. Из под шляпы на меня смотрели два синих-присиних василька. Васильки улыбнулись, и бабушка сказала мне:

— Закрой пасть!

И сунула мне в рот конфетку. Я закрыла пасть и стала сосать конфетку.

— Проходите, пожалуйста! — вежливо сказала я ей.

Бабушка нагнулась, и все её коробки с шумом посыпались на пол.

— Помогай! Помогай! Что стоишь? — закричала бабушка.

Мама всегда говорила, что у меня плохая реакция. Я растерянно схватилась за ручку чемодана и попыталась оторвать чемодан от пола, но он был такой тяжёлый, словно в него напихали металлолома.

3. — Какая ты дурочка! Коробки тащи!

Она взяла оба чемодана и подняла их вверх,

как два лёгких пёрышка. Раз! И чемоданы оказались в прихожей.

— Ну, и силища у этой груши! — подумала я.

— Ну, приехала, слава богу! Здравствуй, внученька!

Только теперь я поняла, что это явилась наша бабушка. Она была совсем не похожа на нашу маму. И встретить я её где — нибудь на улице я бы её ни за что бы ни узнала.

Папа с мамой перестали ругаться, и вышли в прихожую.

— Здравствуйте, тётя Поля, — сладким голоском пропел папа. — Ну, вот теперь хоть поем нормально.

— Голодающий! — прошипела мама. — Как ты, бедненький, до сих пор не умер от моих котлет?

— Ну, началось, сказал папа и стал быстренько собираться на работу.

— Здравствуй, мама, — сказала мама бабушке, и они стали целоваться.

Соня с Лизой ещё спали. А я, как воспитанный ребёнок, пошла в детскую и стала рисовать бабушку. А бабушка с мамой пошли на кухню проводить «пресс-конференцию», как выразилась бабушка.

Глава 2. Новая жизнь

Пока шла «пресс-конференция», Соня проснулась. Они с Лизой спали на деревянной двухэтажной кровати, сколоченной папой из досок, в которых было пианино «Петроф», купленное мам папой, после долгой ссоры с мамой. Соня потянулась и сказала:

— Маша, ку-ку.

— Царствуй, лёжа на боку, — ответила я.

— Бабушка приехала.

— Бабушка, — зашептала Соня. — А она какая?

Мы её никогда раньше не видели, но знали от мамы, что она у нас «мировая».

— Зелёная груша в шляпе, — сказала я. — Вставай! Иди мой уши.

— Ну вот, мой уши.

— Не буду, — сказала Соня.

Она всегда говорила: «Не буду. Не хочу». Все глаголы она употребляла с частичкой не, но если её хорошо поколотить, то можно было выбить из неё этот недостаток. Она хорошо поплачет, а потом делает то, что надо. Трудный ребёнок была наша Соня, как выражалась мама.

— Девочка наоборот, — называл её папа. И когда ему надо было что-нибудь от неё добиться, он всегда говорил наоборот:

— Не будешь есть. Никогда в жизни не будешь есть.

И тогда Соня говорила:

— Буду. — И начинала есть.

Если бы не эта «военная хитрость» папы, то Соня умерла бы с голоду. А сейчас она была толстая и розовощёкая с кучей веснушек на носу и щеках.

— Маса! — раздался голосок. И со второго этажа появилась улыбающаяся Лизкина физиономия.

— Доблкое утло, Маса!

— Доброе утро, — сказала я. — Беги быстренько умойся и оденься. К нам бабушка приехала.

Лиза, как обезьянка, спустилась по лесенке и забралась к Соне в кровать. Она начала её щекотать. Сонька брыкалась и отбивалась руками.

— Чик! Бокс! — И Лиза сунула свой маленький кулачок Соне в нос. Сонька завыла. На крик прибежали бабушка с мамой.

— Ну вот, опять дерутся, — с отчаянием в голосе сказала мама. — Что за дети?

— Ничего. Сейчас я их успокою, — сказала бабушка.

Она встала на одну ногу и закружилась на месте, как большая зелёная юла. Соня перестала плакать и уставилась на бабушку.

— Пирра, сделай пируэт. Пирра нам купи конфет, но не будет вам конфет на закуску пируэт,

пела она, кружась.

— Я тоже хочу так кружиться, — сказала Соня, вылезая с кровати на ковёр.

— Ну, давайте знакомиться, — сказала бабушка, перестав кружиться. — Меня зовут Пирра.

— А почему Пирра? Почему? — закричали мы.

— По кочану, — сказала бабушка. И она несколько раз нажала на сонину голову. И Соня тоже закружилась на месте.

— Покужи меня! Покужи! — закричала Лиза, хватая её за руки. Бабушка взяла её под мышки и стала кружить.

— Ну, здравствуйте, внученьки, — сказала она, поставив Лизу на ковёр.

— Здравствуй! Здравствуй, Пирра! — закричали мы хором.

— А теперь марш в ванную! Умыться! Одеться! И вперёд на завтрак! — скомандавала она. И мы все побежали в ванную, спотыкаясь о коробки и чемоданы, стоящие в прихожей. Так началась наша новая жизнь с бабушкой Пиррой.

Глава 3. Киевский торт

Умывшись и одевшись, мы сели за стол. Мы сидели не на кухне как всегда, а в гостиной за

большим круглым столом, накрытым скатертью. У Лизы на груди был слюнявчик, потому что она была ещё маленькая и не умела аккуратно есть. А мы с Соней были уже большие. Соне было 5 лет, а я ходила в школу в подготовительный класс. Я была самая большая и самая умная из всех наших детей. Я уже умела читать и писать. А ещё я изучала палеонтологию по книжке, которую подарил мне папа на день рождения. Из этой книжки я срисовывала ихтиозавров и динозавров.

— А что я вам привезла, — сказала радостно Пирра. Она пошла в прихожую, семеня, как уточка. И принесла оттуда большую круглую коробку с зелёным листочком, нарисованным на крышке.

— Вот. Киевский торт. Вкуснятина необыкновенная.

— Я хочу толт, сказала Лиза.

— И я, — сказала Соня.

— Подождите! — сказала мама. — Сначала надо съесть кашу. А когда будем пить чай, я всем отрежу по кусочку.

— И папе надо кусочек, — вставила я.

— Папе обязательно оставим, — ответила мама.

— Пирра, а что ты ещё нам привезла? — спросила Соня, откладывая ложку.

— Поешьте, а потом я вам всё покажу, — сказала Пирра.

— Не буду есть, — упёрлась Соня.

— Сонечка, не ешь, — применила мама папину «военную хитрость». — И торт киевский не ешь, а то ещё отравишься.

— Нет, буду есть. И торт буду, — сказала Соня, набивая рот молочной рисовой кашей.

— Зло не оставлять, а то вас не примут в общество чистых тарелок, — сказала Пирра.

— Всё съедим! Всё! — закричали мы, работая ложками.

Мама хотела покормить Лизу, но Лиза ударила её ложкой по руке.

— Я сама. Сама хочу есть, — рассердилась она.

— Ну, ешь. Ешь сама. Только аккуратно, — сказала мама.

— Я осень акулатная. Смотри.

И Лиза, роняя кашу на слюнявчик, начала есть.

— Ну, теперь торт, сказала мама, когда мы съели всю кашу.

— Не просто торт, а киевский торт, — поправила её Пирра.

— Киевский! Киевский торт! — закричала я, вскочив на стул и размахивая ложкой. — Гип, гип, Ура!

— А почему он киевский? — спросила Соня.

— Потому что такой торт пекут только в

Киеве, — сказала Пирра, разрезая торт на кусочки. Торт плохо резался, и кусочки получались неровные. Мама налила нам чай и положила каждому по кусочку торта.

— Вкуснятина замечательная! — сказала Соня, запихивая в рот огромный кусок.

— Жалко папы нет, — сказала мама, забыв, что утром они сильно поссорились. И тут прозвенел звонок.

— Это папа! Папа! — закричали мы все. Но это был не папа, а наша соседка тётя Вера со своим сыном Сашкой.

— О, торт едите, — пропела она, входя в гостиную.

— Не просто торт, а торт ки-ев-ский, — сказала мама по слогам, подняв указательный палец. — Бабушка привезла.

— Здравствуйте, бабуся, — обратилась тётя Вера к Пирре.

— Здравствуйте, тётя, — сказала Пирра.

— А я не тётя.

— А я не бабуся, — отпарировала Пирра. — Я ещё очень молодая и сильная женщина.

— Да я видела в окно, как Вы тащили коробки и чемоданы, как настоящий Бедилло, — язвительно произнесла тётя Вера. Она всегда говорила что-нибудь неприятное. Она была очень злая и ехидная. И если она заходила к нам вече ром, то

после её прихода Лиза долго не могла заснуть и всё время плакала. Мы очень не любили тётю Веру. Но выгнать её было неудобно. И папа с мамой, скрипя сердцем, терпели её.

— Садись, Вера, попробуй торт, — обратилась к ней мама.

— Киевский торт я ещё не пробовала, но много о нём слышала, — сказала тётя Вера, садясь за стол и беря на колени своего сына Сашку. Сашка был маленький, ещё меньше Лизы, и не умел ходить и говорить. Тётя Вера попробовала торт, и он ей очень понравился. Вскоре пришёл папа.

— О, торт киевский! — сказал он, потирая руки.

— Спасибо! Спасибо, тёща, уважили. Я, пожалуй, на тёще женюсь.

Мама только поморщилась. Мы пошли в прихожую смотреть, что привезла нам Пирра.

Глава 4. Что привезла нам Пирра?

Пирра открыла чемодан, и мы увидели кучу игрушек. Глаза у нас от радости разбежались.

— О, сколько всего много! — сказала Соня. — А это кому? — И она показала пальцем на чёрного кота в полосатой шапочке и носочках, с белыми лапками и красным шарфом.

— Это тебе, Соня-Бабоня, — сказала Пирра,

вручая ей кота.

— А мне сто? — захныкала Лиза.

— Тебе вот что, — сказала Пирра. И она, взяв в руки ключик, стала заводить маленького красного гномика в белом колпачке с тарелочками в руках. Она поставила гномика на пол, и он пошёл, хлопая тарелочками. Мы тоже захлопали в ладоши.

— А сто есё? — спросила Лиза, прижимая гномика к груди.

— Ух, ты какая ненасытная, — сказала Пирра и полезла в карман. — На тебе шарики, — и она достала из кармана целую горсть разноцветных шариков.

— Шарики-фонарики! — завопила я. — Я их сейчас надую.

— Дай я надую, — сказал папа.

— Я сама умею их надувать.

— Ну, давай вместе будем их надувать, — предложил папа.

Он тоже любил играть, потому что ещё из детства не вышел, как говорила мама.

— А мне что? Ничего? — спросила я.

— Как это ничего? И тебе есть подарки. Вот тебе конструктор и сказки, — и Пирра протянула мне толстую книжку с массой красивых цветных картинок.

— Маше с Лизой по два подарка, а мне один, — надулась Соня.

— Вот тебе ещё подарок, — сказала бабушка и полезла в другой карман. Она достала маленький оранжевый шарик. Она бросила его об пол. И шарик подскочил, мелодично звеня. Соня бросилась ловить шарик. Лиза за ней.

— Дай! Дай мне шалик!

— Это мой шарик, — упёрлась Соня.

— Ну, дай поиграть! Ну, пожалуйста, — умоляла Лиза.

— На, играй! Только не долго.

Папе и маме Пирра тоже привезла подарки. Папе свитер и кепку, а маме вышитую сорочку и бусы. На дне чемодана лежали яблоки. И Соня тут же сочинила стишок: Яблочко зелёное на веточке висит.

Бум! И прямо в вазочку яблочко летит.

— Поэтесса! — сказал папа. — А что в другом чемодане?

Пирра открыла другой чемодан. Там лежали рюкзаки, гольфы, свитера и турбаты разных размеров.

— А это ещё зачем? — спросил папа, снимая очки.

— Это мы в горы пойдём с детьми, — ответила Пирра.

— Мама, ты с ума сошла! Детей в горы тащить. Они же ещё маленькие, — сказала мама.

— Ничего. Не такие уж они и маленькие. Ты

ещё меньше была, когда мы с папой возили тебя в горы в рюкзаке.

— Я больсая, — сказала Лиза, — мне уже сколо тли будет.

— Ой, больсая! — засмеялся папа.

— Самая большая я, — сказала я. — Я уже в школу хожу.

— Ну, молодец! Молодец! — сказала мама. — Давайте здесь немного приберём.

— А что в этих колобочках? — спросила любознательная Лиза.

— Это я по дороге купила, — сказала Пирра.

И она открыла одну из коробочек и достала из неё блестящую красную машинку. Пирра нажала кнопку и поставила машинку на пол. Машинка поехала, фонарики на ней загорелись, дверцы открылись, и закрылись сами собой, и заиграла музыка.

— Вот это игрушка! — сказал восхищённо папа. — Вот если бы она ещё большая была.

— А она и будет большой, надо только очень захотеть, — сказала бабушка, раскрывая новую коробочку. В ней лежала металлическая трубочка с дырочками.

— Вот, — сказала Пирра, — если в неё подуть, то любое желание исполнится.

— Это мне такую трубочку подарите, — сказал папа.

— Нет, мне, — сказала мама.

А мы на перебой закричали:

— Мне. Мне. Мне.

— Это трубочка волшебная. И пусть она останется у меня, — сказала Пирра и засунула трубочку в карман. Карманов у неё было много: два на животе и два на груди.

— Ну, всё. Теперь бегите гулять, — сказала нам мама, — а я тут немножечко приберу. К тому же мне надо собираться в дорогу. Мы взяли новые игрушки и побежали на улицу.

Глава 5. Кеша

Вечером мы поехали провожать маму в аэропорт. Папа заказал такси, и когда оно приехало, мы все залезли в него. Папа сел впереди, а мама с Пиррой взяли Соню и Лизу на колени, и сели сзади. Меня посадили посередине, хотя я очень хотела сесть у окна и смотреть, на мелькавшие мимо, дома, деревья и прохожих. Мы посадили маму в самолёт и помахали ей вслед рукой.

— Учись хорошо, мама! И поскорее приезжай назад.

Никто в этот день не плакал, даже маленькая Лиза. Мы с восторгом ждали чудес. И вот они начались. Папа поехал домой на автобусе, а мы взяли такси. Такси понесло нас к вокзалу, где в

камере хранения нас ждал попугай Кеша. Это был большой говорящий попугай ара. Он сидел в клетке. И когда мы приехали на вокзал, там уже собралась толпа зевак, все хотели посмотреть на Кешу и поговорить с ним.

— Бабы — дуры! — говорил Кеша, и все дружно ржали.

— А мужики? — спрашивал у попугая какой-то маленький худенький сморщенный, плохо стоящий на ногах, человек в грязном помятом костюме и такой же смятой шляпе.

— Мужики- алкаши! — ответил попугай.

Все засмеялись, а человек смутился.

— Сам алкаш! — сказал он попугаю. — Пива хошь? — И он ткнул бутылкой в клетку с попугаем.

— Морду бить! Морду бить буду! — заорал попугай, топорща перья и прыгая на жёрдочке. Публика так и покатила от хохота.

— Так его! Так! Молодец, попка!

— Сам попка, — ответил Кеша. За словом в карман он не лез.

— Учёная птица! Большая умница! — сказал дедушка с седыми усами и орденами на груди.

— Кеша! — позвала Пирра, пробираясь к нему сквозь толпу. — Кеша!

— Пирра! — обрадовался попугай. — Пирра, зачем ты меня бросила?

— Ну, что ты болтаешь, Кеша? Я тебя на

время оставила.

И Пирра взялась за кольцо на верху клетки. Мы стали уходить с вокзала, а за нами тянулась толпа зевак.

— Сколько стоит Ваш попугай? — обратился к Пирре какой-то дяденька в очках, в чёрной фетровой шляпе с козлинной бородкой.

— Он не продаётся.

— Но все, же, сколько он стоит? — не унимался козлик в очках.

— Бесценный! Я бесценный! — не выдержал Кеша. — Отвяжись! Козёл очкастый!

Но дяденька не отставал.

— Ну, за сколько Вы его купили?

— Тварь! Тварь продажная, — орал попугай.

— Уймись, Кеша! — сказала Пирра, но он разошёлся не на шутку.

— На чистую воду. На чистую воду Вас выведу, — орал он.

Пирра достала из кармана волшебную дудочку и подула в неё. Очкарик превратился в сову и, раскинув крылья, взмыл в небо. Толпа ахнула и рассеялась в страхе.

— Ну, теперь поехали домой. Вам спать пора, — сказала Пирра.

Мы снова взяли такси и помчались домой. Пирра сидела впереди, а мы все трое сзади. Пока мы ехали, Лиза заснула, свернувшись клубочком и

посасывая пальчик. Мы с Соней тоже хотели спать, но боролись со сном и смотрели во все глаза на ночной город. Мы первый раз в жизни ехали на машине ночью. Здорово! Ой, как здорово!

Глава 6. Сны

Такси подъехало к нашему подъезду, где на крыльце стоял папа и ждал нас. Он взял сонную Лизоньку на руки и понёс её домой на пятый этаж. Мы с Соней с трудом плелись сзади. А за нами шла Пирра с попугаем. Попугай уже спал, уткнув голову под крыло. Мы так устали, что не стали чистить зубы, а как подкошенные повалились в кровать.

Лизу папа положил с собой на огромную кровать, а мы с Соней легли на двухэтажную кровать. Пирра ещё долго не спала, а смотрела телевизор, положив ноги на журнальный столик. Вскоре я заснула. Ночью мне снился необыкновенный сон. Он был цветной. Мне снилась Пирра, но это была не она, а похожая на неё заводная куколка, смешная и весёлая. Куколка танцевала и пела песенки. Но вдруг она перестала петь и танцевать и, взяв три воздушных шарика, вылетела из окна.

— Пирра куда ты? Вернись! — закричала я и проснулась.

Когда глаза мои открылись, я поняла, что это

был только сон. Я слезла с кровати и пошла, искать Пирру. Соня спала, положив под щёку свою пухлую ручку. Я вышла в гостиную и увидела, что Пирра спокойно спит на диване, где обычно спала я, и сильно храпит. Папа стоял рядом и со всей силы тряс её за плечи.

— Тётя Поля, проснитесь! Перестаньте храпеть! Я не могу уснуть. Вы меня своим храпом будите.

С трудом Пирра открыла сонные глаза:

— А? Что? А это ты, Валерочка? Что тебе нужно?

— Вы сильно храпите. Я не могу заснуть, — сказал папа, чуть не плача.

— А ты закрой дверь, чтоб не слышно было, — сказала Пирра сквозь сон.

— Да, пожалуй, Вы правы. Я так и сделаю, — согласился папа и ушёл к себе в спальню.

— А ты, Маша, чего не спишь? — спросила меня Пирра.

— Мне сон плохой приснился. Как будто ты в небо улетела и нас бросила.

— Ну, дудки, я вас никогда не брошу, — сказала Пирра, — ложись со мной рядом. Только я сильно храплю. Это всё от курения.

— А ты что разве куришь?

— Да нет. Уже нет. Бросила, но курила.

— А как ты бросила?